

ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

«15 июля — 750 лет со дня победы русских войск над шведскими в битве на реке Неве [Невская битва]». Этим скупыми словами отметил «Настольный календарь на 1990 год» [Издательство политической литературы] достопамятное событие отечественной истории, не назвав даже имени прославленного полководца — Александра Невского. Зато специальными статьями отмечены такие юбилейные даты, как 80-летие Хесуса Фариа, 70-летие Алн Ята и многих других, конечно же, «известных» читателю политических деятелей. Так и хочется сказать, что редакторы-составители календаря не очень заботились о воспитании любви к отечественной истории и гражданского патриотизма.

Уверены, что читатели согласятся с этим нашим мнением. А «ошибку» календаря восполним нижеследующей статьей.

НА ОДНОЙ из Софийских икон-«таблеток», хранящихся в Новгородском музее, изображен исхудалый монах в длиннополой одежде, перевязанной поясом смирения. Трудно поверить, что это Александр Невский — бесстрашный воин-тепель, прославленный защитник земли Русской. Однако ж иконописец не погрешил против истины: по искони существовавшему на Руси обычаю, уже на смертном одре великий князь Владимирский был пострижен в монахи.

Смерть настигла его на пути из Орды, куда князь ездил для замирения восточных властителей тонкой дипломатией. Храбрый витязь понимал, что еще не пришла пора для победных сражений с татаро-монгольскими захватчиками.

Весь народ глубоко скорбел о кончине Александра Ярославича. Похороны состоялись 23 ноября 1263 года в монастыре Рождества Богородицы во Владимире. И митрополит Кирилл горько молвил: «Чада мои, разумеете, яко уже зайдет солнце земли Суждальской. Уже бо не обрящется таковой князь не един!». «Уже погибает!» — таким был согласный ответ всех, кто провожал князя в последний путь.

Немногом позже из уст в уста стал передаваться сказ о чуде с прощальной грамотой. Эту просьбу об отпущении грехов митрополит Кирилл и монастырский эконом Севастьян хотели вложить в руку Александра. Но он якобы сам взял пергаменный свиток, протянув длань из гроба.

Наверное, это были первые камни, положенные в фундамент великолепной «Повести о житии Александра Невского», которая дошла до нашей поры в многочисленных редакциях. Даже Екатерина II приложила к ней руку: «Историей о великом князе Александре Ярославиче Невском» она закончила шестой том «Записок касательно российской истории». Заботясь при этом об исторической достоверности своего труда, просвещенная императрица обошла вниманием часть «баснословных» легенд и этим, пожалуй, лишила первоначальные варианты всей их просто-сердечной прелести.

А неизвестный автор древнего жития начал его с уничтожения своих собственных достоинств: «Аз худый и многогрешный, мало смысла, покушаюсь писать житие святого князя Александра...». И дальше следуют примечательные слова: «Понеже слышах от отца своим и сам овидец (разрядка моя — В. Г.) есмь возраста его...». По-видимому, он был близок к князю, поскольку завершает рассказ о Невской битве свидетельством: «Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве». Можно даже заключить,

для города эта пора: весной разразился злой голод. Люди ели не только конину, пшину, кошатину, но и человечину. По летописному свидетельству, «беше туга и печаль, на уличи скорбь, дома тоска, зряще дети плачущие хлеба, а другая умирающая...».

С 1236 года в Новгороде снова стал княжить Александр. Здесь он «оженися (в 1239 году), поя в Полоцке у Брячслава дочь, и венчаша в Торопчи; ту кашю чини, а в Новгороде другую». При-

воеводою среди полку их». Новгородец Сбыслав Якунович «бьяшеся едином топором, не имея страха в души своей, и паде неколико от руки его, и подивашася силе и храбрости его». Другой новгородец Меша со своим отрядом потопил три вражеских корабля, а молодой дружинник Сава «въехала в шатер великий королев золототерхий, и подсеке столп шатерный. Полци Олександрови, видевше шатра падение вradoвашася...». Именно с этой поры и закрепилось за князем прозвание «Невский».

И все же не было столь желанного мира на русской земле. «В второе же лето (1241 г.) приидоша паки от Западных стран и возградиша град в отечестве Александрове». То были немецкие рыцари-крестоносцы, построившие крепость Копорье. Удалось им захватить и Псков, и Изборск, и Тесово, что уже в 30 верстах от Новгорода. Уверившись в своих силах, гордые рыцари «рекоша: Поидем и победим Александра и имем его руками».

Решающая битва состоялась на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года. Вместе с новгородцами ливонским рыцарям противостояли суздальцы, ладожане, корелы, ижорцы. «Бе же тогда субота, всходяще солнцу, и сступишася обои. И бысть сеча зла, и трус от копий ломления, и звук от сечения мечного, яко же и езеру померзшую двинулися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию». И некуда было скрыться обратившимся в бегство рыцарям, мечтавшим пленить Александра. «И возвратися князь Александр с победою славною, и бяхе множество полоненных в полку его, и ведахут босы подле коний, иже именуют себя божи ритори (рыцари)».

С этой поры уже во всех землях стало известно имя победоносного воителя: «И нача слыти имя его по всем странам, и до моря Хонужьского (Каспийского), и до гор Араратских, и об ону страну моря Варяжского (Балтийского) и до великого Риму».

«Повесть» об Александре, официально причисленном к лику святых при Иване Грозном, многократно перерабатывалась и дополнялась. В некоторых редакциях рассказывается даже о том, что в 1380 году он восстал из гроба и поспешил на помощь Дмитрию Донскому...

По указу Петра мощи святого князя были доставлены в Петербург. Торжественное шествие, в котором участвовали тысячи людей, следовало через Москву и Тверь. В Великом Новгороде ковчег с прахом был установлен в Софийском соборе, а дальше его везли на корабле. 30 августа 1724 года в устье Ижоры останки погрузили на галеру, у руля которой сидел Петр. Он же вместе со своими сподвижниками перенес мощи от причала в Александров-Невский монастырь...

В память князя-воина, князя-гражданина были учреждены ордена Александра Невского: при императоре Петре I, и 29 июня 1942 года — в самую тяжелую пору Великой Отечественной войны. Русский народ никогда не забудет его доблестных деяний.

Владимир ГОРМИН.

НА РИСУНКЕ А. Дерябкина воспроизведен фрагмент миниатюры «Ледовое побоище». [Лицевой летописный свод, XVI в.].

что реалистична сама характеристика, как облика, так и душевных качеств героя повествования: «И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе... Сила же его была частью от силы Соломона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана... Так же и князь Александр — побеждал, но непобедим был». Замечу, что уже само уподобление библейским персонажам было в ту пору свидетельством глубочайшего почитания. Мало того, даже Батый, встретив Александра в Орде, поразился и сказал своим вельможам: «...Нет князя подобного ему».

Разумеется, подчеркиваются в «Повести...» и те качества, которые непременно должны быть присущи верным служителям божьим. Александр не прельщался богатством, по правде судил сирот и вдов, добр был для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран.

И все же «Повесть...» никак не вписывается в разряд тех житийных сказаний, основу которых составляют мученические подвиги святых, творимые ими сверхъестественные исцеления от всяческих немощей. Чудеса, свершаемые Александром Ярославичем — реальные ратные подвиги. И славу одержанных им побед он делит со столь же храбрыми удалцами — новгородцами, имена которых называют и летописи.

Здесь, наверное, к месту напомнить, что уже семилетним отроком Александр несколько месяцев «сидел» в Новгороде вместе с братом Федором. Об отъезде их летописец сообщил весьма кратко: «...А мы их не гонили, но братью свою есмы казнили; а князю есмы зла не створили никакого же».

В 1230 году Ярослав снова посадил в Новгороде Федора и Александра. Скорбной была

мечательно, что сразу же за этими словами летописец отмечает: «Того же лета князь Александр с новгородцами сруби городица (оборонительные укрепления) по Шелоне». Прозорлив был князь: догадывался, что мир и любовь продлятся считанные дни и недели.

Впрочем, «Повесть...» обходит вниманием все эти частности. И сразу обращается к Невской битве.

Не стерпел король страны Римской из северной земли (Швеция) восхвалений неустрашимого князя и решил: «Пойду и пленю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил много своих кораблей воинами, и пошел в силе великой, «пыхая духом ратным». «И прииде в Неву, шатався безумием, и посла слы своя, загоревся в Новгород, к князю Александру, глаголя: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою».

Услышав это, князь «разгоряся сердцем» и молился в святой Софии. А когда вышел из храма, утер слезы и, собрав малую — из-за недостатка времени — дружину, обратился к ней со словами: «Не в силах бог, но в правде...».

Битва состоялась 15 июля 1240 года. В шестом часу дня новгородцы внезапно напали на вражеский лагерь. «И бысть сеча велика над Римляны, и изби их множество бесчисленно, и самому королю возложи печать на лице острыми своим копием».

Короля, правда, не было в этой сече: возглавлял шведское войско его зять Биргер. Зато нет оснований сомневаться в правдивости рассказа о ратных подвигах шести храбрецов, названных в «Повести» поименно.

Один из них, Гаврила Олексич, въехал на корабельные сходни, но его сбросили в реку. Однако он выбрался из воды и снова напал на шведов, даже «бился с самим